

Просто играет всю жизнь напродолет

ПОРТРЕТ

Марина ДМИТРЕВСКАЯ

Легкий седой человек, похожий на птичку. Не на гордую, парящую в облачных высях птицу-музыканта с крыльями, напоминающими открытую черную крышку рояля, а птичку. С чело-
вечьим голосом, зоркими глазами и подвижными узловатыми пальцами...

Моя жизнь прошла между "делом Бейлиса" и "делом ГКЧП"... Я очень давно живу! — любит повторять Натан Ефимович Перельман, старейший петербургский пианист, профессор Петербургской консерватории, — завтра ему исполняется 91 год.

В его большом кабинете, в старой, запущенной петербургской квартире на улице Чайковского (когда-то она вся принадлежала семье, теперь они с сыном, абсолютно беспомощные в быту, едва могут обиходить оставшиеся комнаты, и иногда к ним заглядывает крыса по имени Элен...), стоят два рояля. Каждое утро ровно в десять Натан Ефимович садится заниматься и проводит за роялем по два-три часа.

...Свою музыкальную жизнь мальчик из Житомира Натан Перельман начинал в Конной армии Буденного, тринадцатилетним подростком играя "Вальс Вальдтейфеля" на фронтах гражданской войны в составе "Трио юных музыкантов". 1919 год, агитпоезд Первой Конной, вагон-клуб... "В соседнем вагоне — типография, там Бабель, но я не знаю, кто он, а кем станет, того не знает он сам..." (я цитирую самого Перельмана, три года назад напечатавшего свои рассказы о гражданской войне в "Петербургском театральном журнале"). Концерты на фоне подрастертых, запертые двери украинских домов, куда трио размещается на ночлег, стертые сапогами детские пятки и крики буденовцев: "Давай, давай с перцем!" — в ответ на услышанное незнакомое выражение: "Скерцо Шопена"...

— Вы знаете, я по природе графоман и написал бы вам большие мемуары, но мне некогда, знаете, меня очень волнуют ранние сонаты Бетховена...

Когда в 1923-м он приехал в Петроград, во главе консерватории еще стоял великий Александр Константинович Глазунов, а в классе его профессора Леонида Владимировича Николаева (единственного профессора, приглашенного из Москвы) учились "юные люди 20-х годов" Митя Шостакович, Маша Юдина, Вова Софроницкий. Митя работал тапером на Невском, в кинотеатре "Гикадилли" (теперь там кинотеатр "Аврора"), в то время как Нона (Натан) с той же целью сидел в глубокой сырой оркестровой яме кинотеатра "Гладиатор" (там, где сейчас Театр на Литейном). Митя играл в несколько современном духе, непривычном для уха, и публика учиняла скандалы. Нона вел себя более "классично": за роялем он читал книги, импровизируя на ходу, или разучивал с очередному консерваторскому уроку сонату Метнера соль минор. Так или иначе, он не обращал никакого внимания на зеркало, в котором отражались кадры идущей картины... Иногда, конечно, несовпадение визуального и звукового рядов было столь вопиющим, что возмущенные зрители топтали и кричали. "Гладиатор" принадлежал организации с загадочно-татарским названием "Кубуч" ("комиссия улучшения быта учащихся"), и, надо сказать, учащийся консерватории

Натан Перельман действительно улучшал там свой "быт": зарабатывал на жизнь.

Сегодняшняя Петербургская консерватория, где еще преподает Натан Ефимович, агонизирует. "Катастрофа", "разруха" — это те слова, что звучат по отношению к ней постоянно. "Опасно для жизни" — гласят надписи в нетопленном, нежилом помещении. Холод, неуют.

Консерватория 20-х годов тоже плохо отапливалась и бедствовала, но удивительно теплой была внутренняя атмосфера ее жизни. Музыкальная среда иерархична и порой кичится этой регламентированной чопорной иерархичностью. Не уверена, что так было всегда. Ведь вспоминает же Перельман, как Глазунов заглядывал посреди урока в класс, Николаев выходил, они флиртовали по коридору, обсуждая что-то, потом появлялся молодой Дмитрий Дмитриевич, и Николаев так же серьезно обсуждал что-то с ним...

— Во времена своего ректорства Глазунов, тучный, малоподвижный, но при этом величавый и милый, не пропускал ни одного студенческого концерта. У него было определенное место у входа в зал, он появлялся, и тут совершенно автоматически все вставали и приветствовали этого поразительного человека с его покоем, с его добротой. После концерта он всегда говорил что-то необычайно приятное. Если бы я интересовался своей родословной музыканта, я нашел бы такие глазуновские отзывы о себе, что всю последующую жизнь со мной разговаривали бы только стоя...

Долгая жизнь Перельмана имеет как бы два временных измерения. Первое — реальное, физическое, историческое время, в котором он:

- играл Вальс Вальдтейфеля...
- не вступил в комсомол в Житомире в 1918 году. Хотел быть независимым...
- жил в 20-е годы в квартире Салтыкова-Щедрина, куда однажды пришел щедринский сын...
- в 1933 году участвовал в международном конкурсе в Варшаве и долго общался с В. А. Антоновым-Овсеенко, о котором по сей день вспоминает с благодарностью и почтением...
- присутствовал на собраниях. Вооруженный палкой с набалдашником, доставшей ему от племянника великого александринского актера В.Н.Давыдова, защищал Марию Юдину от нападок комсомольской организации. (Юдина была религиозна, и начальство стремилось выдворить выдающуюся пианистку из консерватории)...
- ходил в НКВД, пытаясь спасти родного брата, репрессированного секретаря Союза писателей Анатолия Горелова. Его вежливо отправили обратно — "играть на рояле" и, по злой иронии судьбы, именно в год ареста брата предложили преподавание в консерватории... Год был 1937-й, консерваторией руководил порядочный и честный человек — Загурский. Под подушкой на случай ареста он всегда держал револьвер.

(В скобках замечу, обо всем Перельман рассказывает со скользкой легкостью.)

В том же 1937-м однажды он, много выступавший тогда по радио, репетировал в студии с оркестром под управлением К.Зандерлинга. В перерыве в пустом зале за роялем они тихо беседовали с дирижером о тех, кого уже посадили, о тех, кому это угрожает, о Сталине... В разгар этой доверительной беседы к ним медленно подошел звукооператор, и просто произнес: "Микрофон включен", — удалился. Полгода ждали последствий...

Фото В. ДЮЖАЕВА

А параллельно шло другое время — метафизическое — остановленное, проведенное в музыке, не поменявшейся за 90 лет: Моцарт, Шопен, Шуман.

Парадокс истории заключался в том, что именно в 30-е годы, когда "микрофон" был "включен", по всей России вдруг развилась невероятная концертная деятельность. Такого не было ни до, ни после. Предприимчивый и деятельный москвич Павел Коган собрал со всей России начинающих исполнителей (юных Эмиля и Лизу Гилельсов, Ойстраха, из Петербурга — Перельмана) и организовал им постоянные гастролы.

Много лет Перельман играет испанцев: Альбениса, Гранадоса, де Фалью. Может быть, потому он еще в 30-е годы избрал испанскую музыку пространством "глубокой, тихой, интимной жизни", что именно Испания, по странному стечению художественных эмоций, стала для многих странной внутренней эмиграции. В ней искали истинной жизни, праздника, печали — чего угодно (вспомните Хемингуэя, Перельман младше его всего на шесть лет!). И каждому Испания дарила ту мелодию, которую ему хотелось услышать и сохранить... Прожить в 30-е можно было, только эмигрировав. "Моцарт Отечества не выбирает..." Он эмигрировал в музыку и, сохраняя ее пространства, удивительно сохранился в них сам.

Кажется, Перельман никогда не утяжелял свою жизнь амбициями неосуществленности. У него, заслуженного, нет народных званий, в нем нет горделивого олимпийства, высокомерной элитарности. Мерещится, он счастлив тем счастьем, каким может быть счастлив "подмастерье под небом Бога", как писал в Нобелевской лекции А.Солженицын об истинных художниках. Еще он, должно быть, счастлив в учениках. Звонят из Америки, издают там его книжку, зовут в Германию, навещают в Петербурге. Полтора года назад один из близких ему учеников, известный петербургский пианист Вадим Пальмов, переиздал маленький, но знаменитый сборничек афоризмов Натана Ефимовича "В классе рояля". Переиздал не только потому, что четыре предыдущих издания мгновенно разлетелись с прилавков, но и потому, что считает: в книжке запечатлен беспрецедентный опыт педагога и исполнителя, она — "живой импульс к концертному творчеству".

...Перельман ничего не знал о книжке и о презентации, когда сырым февральским днем его посадили в машину и повезли в Музей-квартиру Н.А.Римского-Корсакова. Он думал, что будет-какой-то концерт и по привычке доверился властной руке В.Пальмова. Вообще это был "смертельный номер", герою дня было 88, от радости ведь, знаете, тоже случается... Увидев книжку, взволнованный Натан Ефимович не стал говорить слова (может быть, и не мог от напряжения). Свои чувства он выразил более органичным для него образом: прошел к роялю и сыграл "Мазурку" Шопена. А играет он — как говорит. И как пишет.

Предваряя концерт, он просит слушателей "в наш шумный и беспокойный век предаться покою, предаться чистому восприятию музыки..."

— Вы помните последний афоризм моей книжечки: "Оптимизм — подвиг разума"? —

регулярно и строго интересуется Перельман. Но что делать, если с разумом у меня проблемы и мне ближе другое его изречение: "В субботние кануны меня томит густая печаль воспоминаний..." Эту дивную мелодию сочинил писатель Бабель.

Хотя, с другой стороны, когда он принимается вдруг читать дневники Толстого или загорается желанием посмотреть последний спектакль Додина, и идет, и сморщит — я начинаю верить в разум. Не в индивидуальный, в мировой. А может быть, все-таки в "мировую душу". В ту, которую, видимо, имел в виду и сам Перельман, когда написал: "Душераздирающий Малер. Душесобирающий Моцарт". В ту, которая позволяет нам жить вопреки разуму.

Его книжка называется "В классе рояля". Как известно, слово "класс" одновременно подразумевает и высоту профессионализма, и постоянное ученичество. Замечательное по-своему слово. И счастлив тот, кто, давно став Мастером, не утратил ощущения Ученика, живущего в Классе...

— Если я стану предаваться воспоминаниям, не хватит никаких записей. Давайте лучше попьем чаю!

Чай обязательно со сладостями. Кроме музыки, Натан Ефимович обожает сладкое. Их знакомство с Гилельсом, по его признанию, укрепились в тот момент, когда в продаже появилось эскиммо — мороженое, которое можно есть прямо на улице, без ложки и розетки! Они ели его на Преображенской площади в начале 30-х, но, мастер останавливает время, Перельман и сейчас любит эскиммо так же.

Он прожил "от дела Бейлиса до дела ГКЧП", был состоятелен, теперь почти беден, много ездил, теперь прогуливается после шести вечера по Таврическому саду, загорается, когда предоставляется возможность какого-то путешествия с сыном Даниилом (почему бы не встретить Новый год в Финляндии, если вдруг уроки со студентами из Кореи дали к тому случайную финансовую возможность?..).

В том, что каждое утро Перельман посвящает несколько часов занятиям на рояле, нет стоического подвига самоотвержения. Это, несомненно, способ энергетического обмена с космосом, подпитки от того абсолюта, который закодирован в нотных страницах.

На одном из концертов, года два назад, в антракте ему стало плохо, он почти потерял сознание. Но настоял — выйти и сыграть Дебюсси. "Я устал, я уже немолод", — извинился он перед слушателями, сел за рояль, и постепенно бледность и очевидная утомленность ушли, словно рояль давал ему жизнь, как Земля давала силы Антею. Они так и выглядели: маленький седой человек с закрытыми глазами — и большой черный инструмент, у которого он берет энергию, чтобы, пропустив ее через себя, тут же отдать. Это было поразительно. Кто там из великих говорил: "Не постигаю!"? Да, собственно, и неважно. От себя могу сказать: постигаю, но в том смысле, что уверена — здесь есть что-то сверх того, что Натан Ефимович именует дисциплиной творчества и пропагандирует как обязательную режимность. Блажен, кто верует...

— Надо увековечивать людей, — говорит Перельман.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ